

論文の内容の要旨

論文題目 **Начинательность в системе аспектуальных значений
в русском языке в сравнении с японским языком
(опыт сопоставительного анализа языковой картины мира)**

訳 ロシア語・日本語のアспект意味体系における開始性
(言語的世界像対照分析の試み)

氏名 金子 百合子

В данной диссертации с функционально-семантической точки зрения на аспект, или аспектуальность проводится сопоставление важных фрагментов **языковой картины мира (ЯКМ)** (В. фон Гумбольдт) русского и японского языков, связанных с выражением глагольного действия, в частности, его **начинательности**.

При этом, в сопоставительном исследовании таких разноструктурных языков, как русский и японский, мы считаем особенно важным учитывать, с одной стороны, универсальные семантические черты различных языков, а с другой – лингво-специфичные черты отдельного языка.

Универсальные черты представления глагольного действия в нашей работе основываются на предпосылках, что аспект, шире, аспектуальность (А.В. Бондарко) относится к одной из более “универсальных” понятийных категорий (И.И. Мещанинов, О. Есперсен) и что функциональная семантика данной категории передается каким-нибудь образом во всех языках (по крайней мере, во множестве языков) мира. За основу сопоставления мы берем две важные аспектуально релевантные типологии: онтологическую трихотомию ситуаций, состоящую из состояния, процесса и события (Г.Х. фон Вригт), и типологию аспектуальных признаков глагольного действия: статичность / динамичность, процессность, длительность, предельность / неопределенность (т.е. грамматическая предельность), терминативность /

нетерминативность (т.е. лексическая предельность), гомогенность / гетерогенность, изменение / стабильность.

При этом набор конкретных аспектуальных характеристик, а также значимость отдельных признаков в сопоставляемых языках могут различаться, что, по нашему мнению, определяет **лингвоспецифичность** сравниваемых языков в семантической сфере аспектуальности. С этим непосредственно связаны определенные **семантические доминанты** отдельного языка, т.е. фундаментальные идеи, характеризующие данную ЯКМ частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке, а также пониженной степенью коммуникативной осознаваемости (А. Вежбицкая, Е.В. Падучева, Е.В. Петрухина). Сущность семантического сопоставления различных языков заключается не только в сопоставлении «разного оформления одного и того же “фрагмента мира” в сопоставляемых языках», но и в «сравнении комплексов смыслов, характерных и частотных для обозначения данного “фрагмента мира” в каждом языке» (Е.В. Петрухина).

Сопоставительный анализ выражения начинательности в русском и японском языках показывает, что между сравниваемыми языками существуют различия в организации функционально-семантического поля начинательности, а также в ее практическом выражении в речи.

1. Для русской аспектуальной системы важна прежде всего идея «ПРЕДЕЛА» в развитии ситуации, ее «ГРАНИЦЫ». Концепт предела актуализирует представления о темпоральной структуре ситуации, об изменениях в актантах глагольного действия, отражающихся в таких аспектуальных характеристиках, как гетерогенность / гомогенность, терминативность / нетерминативность глагольного действия. Данные оппозиции признаков в русском языке являются семантической базой аспектуальной системы русского глагола, так как видовые пары составляют прежде всего гетерогенные терминативные глаголы (ср. *падать* - *упасть*, *строить* - *построить*).

Более того, идея границы между смежными во времени ситуациями становится доминантой при повествовании о последовательных событиях в плане прошедшего времени. Выражение данного предела осуществляется в основном при помощи терминативных глаголов СВ, начинательных и ограничительной модификации нетерминативных глаголов (с приставками *за-*, *по-*; *по-*, *про-* и др.), а также при помощи конструкции с фазисными глаголами *начать*, *стать* и др. При этом, когда гомогенные, нетерминативные ситуации (процесс/состояние) включаются в цепочку сменяющих друг друга ситуаций, их представление как события во многих случаях реализуется с

помощью выражения начального предела вышеназванными средствами. В данном случае обозначение начала, обуславливаясь закономерностями функционирования грамматической категории вида русского языка и значимостью в ней семантических доминант «ПРЕДЕЛ / ГРАНИЦА», происходит в большей степени “облигаторно”, в меньшей степени “интенционально” со стороны говорящих, т.е. оно получает грамматический характер.

(1) Он встрепенулся, вскинулся, завертел головой («Азазель» Б. Акунин) – ファンドーリ
ンはわれに返り、ぱっと飛び起きて、頭をあちこちに動かした (沼野恭子)

В функционально аспектуальной системе японского языка особое внимание уделяется «СТАБИЛЬНОСТИ» ситуации (процесс / состояние), для выражения которой имеется ряд продуктивных дериватов, в частности, -ТЭ ИРУ, -ТЭ АРУ, -ТЭ ОКУ, ТЭ ИКУ, -ТЭ КУРУ, -ТЭ МИРУ и т.д. Они разнообразно модифицируют стабильные фазы (результатирующее состояние, направленность процесса с точки зрения говорящего, попытка деятельности и др.).

В противоположность стабильности идея “временного предела (границы)” не так значима, как в русском языке. Оппозиции терминативности / нетерминативности, гомогенности / гетерогенности не отражаются в аспектуальной классификации японских глаголов: гетерогенные терминативные глаголы ёму ‘читать’, татэру ‘строить’ объединяются в классе процессуальных глаголов 継続動詞(金田一春彦) с такими гомогенными нетерминативными глаголами, как варау ‘смеяться’, хасиру ‘бежать’. Грамматический предел (представление ситуации как события) при этом выражается простыми формами на -РУ / -ТА, которые в японской аспектологии многие лингвисты называют завершённым аспектом 完成相(奥田靖雄、鈴木重幸、工藤真由美他), что порождает ассоциации с русским совершенным видом (СВ). Но данные формы, в отличие от русского СВ, являются в оппозиции с формами на -ТЭ ИРУ (-ТЭ ИТА) немаркированными, а также обозначаемый ими “предел” является крайне обобщённым. Кроме того в японском языке в принципе нет необходимости его конкретизировать (начало, конец и т.д.). В большинстве случаев либо с помощью контекста тот или иной определённый предел подразумевается, либо заменяемость простых форм фазовыми выражениями подсказывает, о каком пределе может идти речь в данном определённом высказывании. Это обусловлено, по нашему мнению, тем, что простые формы на -РУ / -ТА, отражая обобщённое, комплексное понятие обозначаемого глагольного действия, в основном передают лишь факт, что ‘произошло, имело место названное глаголом действие’, оставляя при этом выделение из него какой-либо определённой фазы потенциальным. В

связи с этим отметим, что обозначение предела лексическими средствами выражения фазистности (начинательности – в нашем случае) в японском языке (например, -*ДАСУ*, -*ХАДЗИМЭРУ*) является полностью сознательной “операцией” со стороны говорящего для передачи нужной ему информации.

(2)僕はリーヴァイスのヒップ・ポケットから封筒を取り出し、封を切って一万円札の束を一枚ずつ **数えた**。 <中略> 半分くらい数えたところで手がひりひりと痛んだ(『羊をめぐる冒険』村上春樹)// – Я вытащил из заднего кармана "Ливайсов" конверт, открыл его - и одну за другой **начал пересчитывать** десяти тысячные банкноты. <...>. Я не досчитал и до середины, а рука уже ныла от усталости (Коваленин) Cf. – I finished the envelope out of the hip pocket of my Levi's, tore open the seal, and **started to count** the stack of ten-thousand-yet notes. <...>. Halfway through, my fingers began to tire (Birnbbaum)

2. Функционально-семантическое поле начинательности в русском языке более дифференцировано, чем в японском языке, что объясняется разработанной классификацией семантических типов начинательности (инхоативность, ингрессивность, инцессивность), а также разнообразием способов передачи данной семантики. В русском языке имеется несколько начинательных аффиксов (*за-*, *по-*, *вз-*, *раз-ся* и др.), которые отличаются друг от друга типами начинательности, а также семантической модификацией (например, интенсивное начало). В японском языке широко употребляемыми начинательными формантами как таковыми можно назвать лишь вспомогательные глаголы на -*ДАСУ*, -*ХАДЗИМЭРУ* (с некоторым колебанием -*КАКЭРУ*/*-КАКАРУ*). Дериваты на -*ДАСУ*, -*ХАДЗИМЭРУ* представляют собой, в основном, инхоативы.

3. С различием в сочетаемости глагольной лексики с начинательными формантами непосредственно связано различие в интерпретации денотативного мира. Возникновение новой ситуации, характеризующейся меньшей степенью динамичности, например, может интерпретироваться в русском языке как ‘начало’(BEGIN), а в японском языке – как ‘становление’ (BECOME), ср. *Заболела голова – Атама-га итакуНАТТА* (букв. ‘Голова стала больной’ – подобно такой трактовке, как “Лицо стало бледным”). Значение ‘становления’, обладая семантическим элементом ‘переход из небытия в бытие’, также включается в функционально-семантическое поле начинательности, но без внимания на дальнейший ход начавшейся ситуации оно находится в его периферии, вернее, занимает место на грани полей начинательности и завершенности (результативности). В японском языке, поскольку фазисный предел не играет такой важной роли, как в русском языке, интерпретация ситуации, которая

воспринимается в русском как начинательная, может происходить по-другому: именно через выделение «стабильных фаз» глагольного действия. Эта тенденция наблюдается особенно в употреблении таких дериватов, как *-ТЭ ИРУ*, *-ТЭ ИКУ*, *-ТЭ КУРУ*, *-ТЭ МИРУ*, значение которых фокусирует процесс (деятельность) начавшейся ситуации.

(3) *so I started walking downtown toward the zoo, on the part side of the street, and she started walking downtown on the other goddam side of the street. <...> Anyway, we kept walking that way all the way to the zoo* («The Catcher in the Rye» J.D. Salinger) – ... *и я потихоньку направился к зоопарку по одной стороне улицы, а она пошла туда же, только по другой стороне. <...> Так мы и шли всю дорогу до зоосада* (Райт-Ковалева). - *だから僕はかまわず通りの公園側をダウンタウン方向に、動物園の方に向かって歩いていった。フィービーときたら、やれやれ、僕とは反対側の歩道を動物園に向かって歩いていた。<中略> とにかく僕らはそんな感じで動物園までずっと歩いた(村上春樹) / それで僕は、その通りの公園側を、動物園をめざして、ダウンタウンのほうへ歩きだしたんだ。すると彼女も、向こう側の歩道をダウンタウンのほうへ向かって歩きだした。<中略> とにかく、僕たちは、そんな格好で、動物園までずっと歩いていったのさ(野崎孝)*

4. Наш материал на основе перевода художественной литературы с русского на японский и, наоборот, с японского на русский, выявил особенности выражения начинательности и его употребления в реальных текстах. В количественном отношении начинательность в русских художественных текстах выражают намного чаще, чем в японских текстах. При этом большая частотность выражения начинательности характеризует как русские оригинальные тексты в сравнении с японскими переводами, так и русские переводы японских источников (приблизительно, Рус.→Яп. в 2 раза больше; Яп.→Рус. в 4. раза больше). Это в основном связано с тем, что предел как граница между смежными во времени ситуациями в русской речи часто выражается как начало новой ситуации. Таким образом, статические данные подтверждают наш вывод о «ПРЕДЕЛЕ» как семантической доминанте русской ЯКМ.

Употребление переводческого материала с целью лингвистического исследования всегда сопровождается проблемой разграничения феномена, отражающего лингвоспецифичность отдельного языка, и стилистической операции писателя или переводчика. Даже в японском языке, в котором ограничение глагольного действия фазовыми пределами является сравнительно рецессивным явлением, во многих случаях можно выделить подразумеваемый предел и эксплицитно его выразить (см. пример 3). Следовательно, рецессивность какого-либо смысла вовсе не значит, что его нельзя выразить или выразить в языке, а она характеризуется частотностью случаев,

когда данный смысл можно выразить и можно не выразить. В языке, в котором данный смысл доминантный, наоборот, работает как бы некий несознательный “импульс”, который стимулирует его употребление в речи.